

Вадим МИХАЙЛИН

ДВОЕМЫСЛИЕ *REVISITED*

К выходу книги: Вадим Михайлин. Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 232 с.

Жанр (поздне)советского анекдота – явление по-своему не менее уникальное, чем советская же интеллигенция. Последняя, в чем-то дублируя роли и функции интеллектуалов в «европейском» смысле слова, разительно отличалась от них стремлением совмещать провиденциальную миссию «совести нации» с – неизбежным, за полным отсутствием других возможных ниш – статусом госслужащего: обеспечивая себе тем самым пожизненное право на когнитивный диссонанс¹. Первый, во многом дублируя роли и функции шуточных коммуникативных жанров, существующих в любой другой культуре, – не важно, европейской, азиатской или латиноамериканской, исторической или современной, – не менее разительно отличался от них в той главной своей задаче, которую позволял решать простому советскому человеку. Он обслуживал советское двоемыслие.

С одной стороны, существуя в обширной серой зоне между публичными советскими дискурсами и сугубо приватными коммуникативными практиками, он помогал деконструировать – во вполне постструктуралистском смысле слова – любой официальный нарратив, подрывая процесс сотворения мифа: если это, последнее слово понимать на бартовский манер². Он остраивает те смыслы, которые транслируются как априорные, создает (до определенной степени) подушку безопасности между публичностью и индивидуальным сознанием. С другой стороны, если говорить о позднесоветских вариациях на тему коммунистического проекта, «обслуживаемое» анекдотом умение деконструировать тоталитарный дискурс никак не было связано с неприятием тех ценностей, которые за этим дискурсом стояли. И в данном смысле жанр представлял собой один из механизмов комфортизации, доступных каждому советскому человеку и помогающих адаптироваться к реальности, которая, конечно же, была куда менее жесткой, чем в сталинские времена, однако общей способности к порождению травмы ничуть не утратила. Ну и, наконец, советский анекдот всегда – с двадцатых годов до самых последних лет существования СССР – оставался жанром «прощупывающим», то есть помогал ориентироваться в не полностью прозрачных социальных средах, выстраивая «публики своих»³ и задавая разные режимы доверительности по отношению к разным партнерам по коммуникации.

Книга, небольшой фрагмент из которой опубликован ниже, была написана быстро, за полтора месяца в начале ковидного 2020 года, в период вынужденной привязанности к

¹ «Когда западные интеллектуалы берут на себя заботу о самосознании общества, то они вырабатывают науку социологию. Когда русские интеллигенты сосредотачиваются на том же самом, они создают идеал и символ веры. В чем разница между интеллектуальским и интеллигентским выражением самосознания общества? Первое стремится смотреть извне системы (сколько возможно), второе – переживать изнутри системы». Гаспаров М. Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. С. 10. См. также: Михайлин В. Скромное обаяние позднесоветского интеллигента: об одном каноническом типаже Олега Янковского // Отечественные записки, 2014, № 5 (62). С. 137–153.

² См.: Барт Р. Мифологии. Пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

³ См.: Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

домашнему пространству и домашнему компьютеру, и процесс ее написания был связан еще с одним неотвязным чувством, родившимся не вчера, но день ото дня набиравшим силу еще с нулевых годов нынешнего века. Все более и более отчетливым ощущением того, что набирающая обороты совсталгия, которая уже давно вышла за рамки иронических, в духе Леонида Парфенова, проектов конца 1990-х годов, рано или поздно заставит нас заново привыкать к двоемыслию⁴. Поскольку писалась она быстро, в нее не вошла часть материала, вполне способного поддержать возводимую конструкцию. Какую-то часть я с тех пор успел опубликовать (скажем, применительно к такому забавному микрожанру как анекдот прогностический)⁵ – какая-то (анекдоты о литературных и кино-персонажах; о войне и концлагерях) остается пока на будущее: впрочем, в силу понятных причин, весьма неопределенное. Выбранный для публикации в «Волге» фрагмент⁶ взят не из «теоретических» глав книги, а из главы сугубо публикаторской, поскольку в значительной мере советский анекдот остается не только недостаточно исследованным материалом, но и материалом как следует не опубликованным⁷. И – обязательно замечание напоследок – как и в книге, я принципиально оставляю здесь без внимания соображения цензурного порядка. Анекдот всегда был и будет жанром принципиально неполиткорректным и неотъемлемым от матерного говорения. Книга мыслилась как исследовательский текст, а не как салонная подборка забавных историй: так что восемнадцать плюс, господа и дамы. Восемнадцать плюс.

Медведь

Медведь в традиционном советском анекдоте, как и следовало ожидать, вполне соотносим со своим сказочным прототипом. Это персонаж, воплощающий силовые и властные позиции, не обязательно расположенные на самой верхушке «лесной» социальности (при наличии такого действующего лица как лев): уверенный в себе, эгоистичный, не испорченный излишним интеллектом, время от времени попадающий в роль жертвы кого-нибудь из природных трикстеров (зайца или лисы), но всегда способный уравнивать позиции за счет прямого насилия. Вот пример подчеркнуто «детский», пародирующий эстетику стандартного советского мультфильма, в конце которого все зверята хором поют веселую песню:

Собираются зверята в детском садике после Нового года и хвастаются подарками. «А мне, – говорит зайчонок, – подарили пианино, почти как настоящее». – «А мне, – говорит лисичка, – кукольный дом с куклами и мебелью». – «А мне, – говорит волчонок, – целую железную дорогу с рельсами, паровозами, станциями...» – «А я, а мне, – говорит медвежонок (*исполнитель, насупившись, оглядывается вокруг, а потом уверенно произносит*), – а я вам всем сейчас пизды дам».

Вот медведь сталкивается с трикстером:

⁴ См.: Михайлин В. *Ex cinere*: проект «советский человек» из перспективы *post factum* // Неприкосновенный запас, 2016, № 4 (108). С. 137–160.

⁵ Михайлин В. Зато джинсы целы: игры с ближайшим будущим и позднесоветский прогностический анекдот // Неприкосновенный запас, 2021, № 139 (5/2021). С. 275–300.

⁶ Михайлин В. Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 122–128.

⁷ Книга Михаила Мельниченко (Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., Новое литературное обозрение, 2014), при всей своей фундаментальности и публикаторской тщательности, посвящена исключительно политическому анекдоту, который никоим образом не представляет всего жанра в целом.

Идет по лесу медведь, как в воду опущенный, а навстречу заяц. «Ты чего такой?» – «Да вот, в военкомат вызывают. А мне в армию неохота, там зимой спать не дают». – «А ты закоси». – «Как?» – «Да глаз себе выколи, один. И второй останется, и не загребут». Через неделю встречаются снова, медведь еще грустнее прежнего, только без глаза. Заяц: «Что, не помогло?» – «Да как тебе сказать, – *(исполнитель горестно вздыхает и смотрит себе под ноги)*: – Я ж до окулиста так и не дошел. Плоскостопие у меня».

Вот другой сюжет, вполне совместимый не только с анекдотической традицией, но и с традицией сказок о животных:

Проснулся зимой медведь, ворочался, ворочался, чует – жрать охота. Ну малины нет, придется кого-нибудь заломать. Поплелся в деревню. Видит – в сарае лошадь стоит, сено жует. Медведь ей: «Здорово. Прости, подруга, но хошь не хошь, придется тебя съесть. А то до весны не дотяну». Лошадь ему: «А меня есть нельзя». – «Это еще почему?» – «Я колхозная, на балансе значусь». – «А чем докажешь?» – «Да у меня на жопе написано. Иди смотри». Ну, медведь ее обошел, под хвост заглядывает, а лошадь – хху-як его с обеих ног копытами. Медведь отлетел, лежит в сугробе *(исполнитель хватается за голову и раскачивается)*: «Ну что за мудака. Ну куда я полез. Я ж и читать-то не умею...»

Исходя из распределения характеристик и ролей между стандартными персонажами советского зооморфного анекдота, протагонистом в этом сюжете вполне мог оказаться и волк, поскольку сочетание хищнических наклонностей и общей незадачливости не противоречит анекдотической сути обоих этих персонажей. Не заметить сходства этого сюжета с приведенным чуть ранее сюжетом о волке и свинье достаточно трудно. Собственно, в одной из более поздних вариаций этого анекдота, где дело происходит в ловчей яме, а состав персонажей несколько изменен (двое хищников – волк и медведь – и лось), волк становится прямым двойником медведя – с некоторой разницей. Удар лося обеими ногами назад в этой версии сюжета вызывает ту же фразу медведя в пуанте, но волка убивает наповал.

Волк и медведь вообще достаточно часто оказываются участниками одного сюжета, хотя в этом случае анекдот, как правило, строго выдерживает систему распределения ролей:

Откинулся волк с зоны. И решил завязать. Вернулся в деревню, устроился в сельпо продавцом. И – старается: вежливый, предупредительный, никого не обсчитывает и не обвешивает – короче, передовик советской торговли. Заходит в магазин медведь: «Продай килограмм соли». Волк *(исполнитель быстро оглядывается по сторонам, шаря глазами по воображаемым поверхностям)*: «Миш, продам, конечно, только гиря у меня куда-то делась. Я тебе на глаз насыплю?» *(Исполнитель изображает тяжелый переход к гневу)*: «На хуй себе насыпь, собака бешеная!»

С большой долей вероятности – если вспомнить о кинематографических привязках большинства анекдотических сюжетов – этот анекдот является откликом на «Калину красную» (1973) Василия Шукшина.

В позднесоветском зооморфном анекдоте происходит весьма любопытный процесс: медведь вытесняет зайца с позиции самого востребованного персонажа. Складывается ощущение, что изменившаяся система диспозиций по отношению к публичному пространству у тех, кто рассказывал и слушал анекдоты, потребовала других форм проективной идентификации. Заяц с его вздорностью, наглостью, готовностью в любой момент урвать хоть что-то и тут же спрятаться за спину более сильного персонажа стал слишком напоминать ту ипостась «простого советского человека», которую тот не

очень любил видеть в зеркале. Кстати, очень может быть, что именно этим обстоятельством объясняется и та особенность мультсериала «Ну, погоди!», о которой речь уже заходила выше, – он остался практически бесплоден в плане производства анекдотов. Ключевой тамошний тандем – волк и заяц – стали попросту неинтересны с анекдотической точки зрения: именно в качестве контрастной пары, которая должна была производить провокативные сюжеты с привлекательными моделями идентификации и неожиданными «перебивающими» сценариями.

Медведь, с его уверенной силой, с его претензиями на самостоятельность и склонностью к созерцательному восприятию жизни, оказался очень востребован и изменился вполне предсказуемым образом. Присущая ему в традиционном анекдоте недалекость если не исчезла вовсе, то отошла на задний план, а компенсирована эта «потеря характеристики» была за счет общего философского отношения к жизни, спокойствия и своеобразного черного юмора – то есть черт, крайне привлекательных для человека, взыскующего метапозиции по отношению к скучной современности:

Идет медведь по лесу, смотрит – на ветке сидит попугай. «Ты кто?» – «Попугай». *(Исполнитель резким жестом сворачивает голову воображаемой птице)*: «Да хули тут пугать...»

Просыпается медведь весной, выходит на берег речки, воды зачерпывает *(исполнитель неторопливо похлопывает по лицу «мокрой» рукой)*, садится и на воду смотрит. Тишина, красота. Волнишка так в бережок – шшшш... шшшш... И тут вдруг вода расступается, выныривает бегемот и во всю пасть... *(Исполнитель имитирует глубокий затяжной зевок.)* Медведь так сидит, смотрит и говорит *(исполнитель переходит на философски-мечтательную интонацию)*: «Вот таким бы ебалом да медку хлебнуть...»

С точки зрения поиска социальной метапозиции, наиболее любопытная система отношений выстраивается в промежуточной антропо-анималистической зоне – в отношениях анекдотического медведя уже не с другими зооморфными персонажами, а с людьми:

Заблудился в лесу грибник. Ходит и кричит: «Помогите! Спасите!» Тут из-за дерева медведь: «Ты чо разорался?» – «Думал, может, услышит кто...» *(Исполнитель вздыхает, смотрит на воображаемого грибника, как на маленького ребенка, и неспешным проникновенным голосом выговаривает последнюю фразу)*: «Ну вот я услышал. Легче тебе стало?»

Идет по лесу турист. Навстречу медведь: «Ты кто?» – «Турист». – «Нет, турист – это я. А ты – завтрак туриста»⁸.

Сидят в берлоге медвежонок и старый медведь. Медведь: «Спи!» – «Не хочу сп-аать... Не хочу сп-аать...» – «Спи, говорю!» – «Покажи клоунов... Ну покажи-ии...» Старый медведь вздыхает, лезет в угол и вынимает два человеческих черепа. Надевает их на лапы *(исполнитель приподнимает обе руки и дальше имитирует разговор двух кукол-рукавиц, как в передаче «Спокойной ночи, малыши»)*: «Папа, а как ты думаешь, есть тут медведи?» – «Да что ты, сынок! Отродясь их тут не было!»

⁸ Для тех, кто не жил в СССР. «Завтрак туриста» – дешевые консервы невысокого качества. Самый распространенный и доступный в советской провинции вариант – переваренная рисовая или перловая каша с рыбным наполнителем и томатной заливкой. Существовали и другие разновидности – некое подобие тушенки, мясо с капустой (ленивые голубцы), гречневая каша с мясом. Но в 1970–1980-х годах никаких других «Завтраков», кроме пахнущей второсортной рыбой размазни, я в саратовских магазинах не видел.

Идет по лесу охотник, видит – берлога. Он туда голову – раз (*исполнитель делает резкое движение головой вперед*), а его за уши хватить две мохнатые лапы (*исполнитель изображает соответствующий жест*): «Соси!» Ну, куда деваться, отсосал. Медведь по голове его так похлопал и говорит: «Ну, если понравилось, еще приходи...». (*Исполнитель изображает жест отталкивания одной рукой.*) Охотник отскакивает, ружье с плеча, дулетом – шарах! в берлогу. Перезаряжает и еще – шарах! Потом еще, пока патроны не кончились. Подходит – вроде тихо. Голову – раз внутрь. Его две мохнатые лапы за уши хватить (*исполнитель переходит на приторно-ласковую интонацию*): «Вот так и знал – понравилось...»

Приезжает в тайгу московский охотник: карабин автоматический, все дела. Переночевал, пошел в лес. Навстречу по дорожке местный дедушка: «Сынок, ты куда?» – «Да в лес, на охоту». – «Не ходил бы ты, там медведь. На него еще дед мой ходил с рогатиной. И отец ходил, тоже с рогатиной». – «Да какие рогадины, отец? Двадцатый век! Во, глянь, карабин какой! Оптика! Пули разрывные!» – «Ну-ну... (*Исполнитель провожает взглядом воображаемого охотника и говорит раздумчивым старческим голосом*): Н-да... Уезжать надо. Были у медведя две рогадины, а теперь еще и карабин... с оптикой...»

Самое примечательное в этих сюжетах то, что все они без исключения используют один и тот же принцип организации проективного пространства. В любом случае речь идет о вторжении человека в законные владения медведя – от леса как такового до непосредственно домашней территории – и о неизбежном наказании за это вторжение. Позднесоветский человек с его акцентуацией на свежееобретенном приватном пространстве должен был получать особенное удовольствие от самого этого принципа: *Trespassers will be prosecuted*. Впрочем, эта тяга к приватности не была лишена самокритики, причем строилась эта самокритика по всем законам анекдотической «понижающей инверсии»:

Просыпается весной медведь в берлоге: хорошо! Потягивается, зевает: какой-то волос во рту. Шарил, шарил, поймал. Подносит к лапе – нет, не то. К груди – опять не то. К животу – не похоже. Ниже... (*Исполнитель застывает, смотрит в пустоту перед собой и медленно произносит*): «Не может быть...»

Встречаются, хотя и не часто, анекдоты, в которых стороны меняются местами и на человеческую территорию вторгается именно медведь; впрочем, к сколько-нибудь радикальному переосмыслению образа это не приводит. Медведь в позднесоветском анекдоте все равно остается спокойным и уверенным в своей силе созерцателем, который знает себе цену и четко противопоставляет собственный способ жизни человеческим потугам на исключительность. В подобных случаях он вполне способен не только продемонстрировать эрудицию, но и обыгрывать устойчивые человеческие стереотипы:

Залезли на пасеку папа-медведь и медвежонок. Большой медведь к улью подходит, одним движением так – оп-па – крышку с него откидывает и давай мед жрать (*исполнитель изображает процесс, лениво отмахиваясь от воображаемых пчел*). А медвежонок пыхтит, пыхтит, пчелы его жалят, а улей открыть не получается. Папа-медведь так на него оглядывается и говорит (*исполнитель произносит с ласковой и слегка укоризненной растяжкой*): «Сынок, тебе что, Моцарт на лапу наступил?»

Вообще в позднесоветском анекдоте неожиданные проявления эрудиции со стороны персонажа, от которого зритель ничего подробного не ожидает – один из устойчивых приемов создания когнитивного диссонанса, необходимого для того, чтобы

пуант вызвал смеховую реакцию. На нем строится значительная часть поздних анекдотов про чукчу, о которых речь пойдет в главе, завершающей эту книгу. Он же может лежать в основе анекдотов внесерийных:

Приходит в швейное училище преподавательница мастерства – с утра в понедельник, после вчерашнего. На улице ноябрь, серо, сыро, промозгло. Собираются ученицы, тоже все как одна после вчерашнего. Звенит звонок, учительница начинает через пень-колоду шевелить губами: «Сегодня будем проходить изнаночный кант... То есть кант, его вы уже знаете, но только наоборот...» Тут голос с задней парты: «Раиса Васильевна! Раиса Васильевна!» (*Исполнитель нервно вскидывается*): «Что такое, Бадейкина?» – «Чо-т я не поняла...» (*Исполнитель переходит на подворотенную – через губу – манеру речи*): «Чего ты не поняла, Бадейкина?» – «Кант наоборот – это как? Звездное небо внутри и нравственный закон над головой?»